

УДК 159.92

ОПЫТ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ОПРОСНИКА «СПЕЦИФИКА ПРЕДВОСХИЩЕНИЯ БУДУЩЕГО»

© 2009 Г.Н.Малюченко, О.В.Карина, Н.Е.Шустова, М.А.Киселёва

Балашовский институт Саратовского государственного университета
им. Н.Г.Чернышевского

Статья поступила в редакцию 09.12.2008

В статье представлено теоретико-методологическое обоснование авторского опросника «Специфика предвосхищения будущего» (СПБ). Проанализированы существующие подходы к пониманию структуры и функций антиципации в контексте временной перспективы личности. Раскрываются теоретические предпосылки для выделения трёх диагностических блоков опросника: когнитивного, эмоционального и сценарно-поведенческого. В каждом блоке выделены и рассмотрены критерии, позволяющие проводить диагностику индивидуальных особенностей предвосхищения будущего.

Ключевые слова: образ будущего, целостность, познавательная активность субъекта, диагностика инициации.

Социальное взросление индивида неразрывно связано с развитием способности к предвосхищению событий будущего. Представления о будущем претерпевают в процессе социальных интеракций масштабные или локальные изменения и являются индикатором развития личности. Раскрытие индивидуальной специфики построения образа будущего выступает одной из задач научно-исследовательского проекта «Взаимосвязь развития способности к антиципации и динамики социального самочувствия подростков группы риска», осуществляемого нами при финансовой поддержке РГНФ (проект 08-06-00364а).

Степень включенности человека, активности его погружения в ценностное поле экспектаций, устойчивость / перманентность его установок на избранный образ будущего определяет контур целостности или мозаичности его представлений о будущем. Регулирующая роль образа будущего утверждается в работах многих известных отечественных и зарубежных учёных (П.К.Анохин, Н.А.Бернштейн, Д.Гилфорд, Е.И.Головаха Т.Коттл, А.А.Кроник, Ж.Нюттен, Д.А.Леонтьев, Б.Ф.Ломов, Е.А.Сергиенко Е.Н.Сурков). Построение образа будущего является сложным по своей структуре процессом, включающем

все формы познавательной активности личности. Т.С.Шляхтин, отмечая многомерность временной перспективы, выделяет эмоциональную, когнитивную, регулятивную и другие ее составляющие. Дж.Троммсдорфф, Х.Лэмм (G.Trommsdorf, H.Lamm, 1980, 1983) в рамках исследования структуры антиципации как способности к предвосхищению событий будущего выделяют когнитивные, оценочные и аффективные аспекты ориентации индивида в будущем. Определяя психологическое содержание концепции личностного будущего, С.В.Горбатов подчеркивает такие компоненты как когнитивный и эмоционально-оценочный, которые, по мнению автора, обусловлены влиянием возрастных и социальных факторов. В работах Б.Ф.Ломова, Е.Н.Суркова, Е.А.Сергиенко выделяются основные функции антиципации: регулятивная, когнитивная, коммуникативная. Регулятивная функция позволяет направить личность на оценку изменений условий внешней среды, осуществлять опережающую подготовку, определять прогноз результатов действия. Когнитивная функция антиципации связана с осуществлением познавательной активности субъекта социального взаимодействия. Коммуникативная функция определяет готовность учитывать социокультурные нормы, способность мгновенно узнавать эмоциональные состояния других, оценивать социальный контекст.

Выделение структурных составляющих и функций процесса антиципации позволило вести работу над созданием диагностического инструментария. На сегодняшний день создан ряд диагностических методик, направленных

*Малюченко Геннадий Николаевич, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: mgn1802@yandex.ru ;
Карина Ольга Витальевна, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: karina_olga@mail.ru ;
Шустова Наталья Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент. E-mail: shustova_nat@mail.ru ;
Киселева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: kiseleva_m@mail.ru .*

на исследование индивидуального восприятия и построения образа будущего. К наиболее востребованным современными психологами-профессионалами методикам относятся: 1) графический тест Коттла (Тест кругов Коттла), где испытуемым предлагается изобразить свое прошлое, настоящее и будущее в виде трех кругов; 2) методика мотивационной индукции (ММИ) Ж.Нюттена, которая основана на методе неоконченных предложений и предназначена для изучения содержания мотивации и временной перспективы через анализ целей, сформулированных самими испытуемыми. Данная методика адаптирована Н.Н.Толстых (1989) для изучения мотивации подростков и взрослых; 3) методика Ф.Зимбардо по временной перспективе (ЗТРИ), адаптированная А.Сырцовой, Е.Т.Сokolовой, О.В.Митиной, позволяющая выявлять представления личности о будущем; 4) методика смысло-жизненных ориентаций (СЖО) разработанная Д.А.Леонтьевым, в которой наряду с категориями прошлого и настоящего, присутствует категория будущего личности; 5) психобиографическая диагностико-коррекционная программа «LifeLine®» созданная Р.А.Ахмеровым и А.А.Кроник как компьютерная версия исследовательско-психотехнической процедуры каузометрии, основанной на причинно-целевой концепции психологического времени личности.

Однако при всей широте теоретических и прикладных разработок, в настоящее время наблюдается потребность в применении специального диагностического инструментария, предназначенного для работы с подростками, позволяющего выявлять индивидуальные особенности предвосхищения будущего, выраженные через когниции, эмоции и поведенческие сценарии личности. В этой связи когнитивный, эмоциональный и сценарно-поведенческий компоненты антиципации были выбраны нами в качестве критериальной основы для построения опросника СПБ (специфика предвосхищения будущего). На наш взгляд, сочетание этих трех компонентов отвечает требованиям системного исследования личности в период подростково-юношеской социализации. Построенные на их основе критерии в значительной мере отражают степень сформированности способности взрослеющей личности к предвосхищению будущего. Ниже нами представлена логика теоретико-методологического анализа указанных компонентов в целях обоснования выделения соответствующих им диагностических блоков и критериев для разработки авторского опросника СПБ.

Когнитивный компонент предвосхищения будущего. Данный компонент в настоящем исследовании представлен тремя референтами, позволяющими целостно рассмотреть феномен личностной антиципации в контексте построения индивидуального будущего. Одним из первых критериев выделенных нами в рамках когнитивного блока явился *критерий предрасположенности к вариативности / инвариативности* предвосхищения событий будущей жизни. В настоящем исследовании данный критерий рассматривается с точки зрения ориентации личности на жёсткий или вариативный сценарии развития индивидуального будущего. Одним из первых исследователей поднявшим вопрос о вариативности восприятия пространственно-временного континуума является автор психологической версии «теории поля» К.Левин, в исследованиях которого выделен когнитивный аспект взаимосвязи между прошлым, настоящим и будущим личности. К.Левин подчеркивал, что когда человек воспринимает свои возможности и перспективы в настоящем, то это неминуемо связано с его ожиданиями и представлениями о будущем.

Предрасположенность к вариативности / инвариативности так же, на наш взгляд, можно рассматривать и с точки зрения конструктивного альтернативизма Дж.А.Келли (2000). Им использован философский принцип системы иерархически организованных конструкций для интерпретации и антиципации событий. В контексте данного подхода объективная реальность не открывается личности непосредственно, а предстает как множество конструкций, выстроенных личностью на основе собственного опыта восприятия и индивидуальных особенностей развития. Данные конструкции являются основой для воспринимаемых сходств и различий между событиями, к которым они применяются. Любые события жизненного пути личности имеют различные интерпретации, а значит и будущее варьироваться и конструироваться одновременно по нескольким сценарным планам. Дж.А.Келли (2000) отмечал, что интерпретируемые конструкции подвержены исправлению, уточнению или замене. Данное утверждение может быть подкреплено и с позиции другого известного учёного Д.Гилфорда (1965) изучавшего феномен гибкости мышления. Гибкость продуктивного и творческого мышления влияет на целесообразное варьирование способов действий, способность к переосмыслению функций объекта и использование его в новом качестве. Также гибкость может проявляться в проблемной ситуации и

заставлять субъекта выявлять ранее не анализировавшиеся признаки объекта, переосмысливать их и решать проблему.

Отечественная исследовательница Н.К.Попова (2002) исследуя принцип антиципации развития, обнаружила, что динамичное движение системы к новому уровню закладывается в основе предыдущего. Она полагает, что существует своеобразный личностный фильтр, пропускающий одни средовые воздействия и блокирующий другие. Этот фильтр может быть вариативным. Он может рассматриваться как, в узком плане: процесс развития зависит от минимального количества информации, так и в широком плане: на ход развития оказывает влияние целый спектр средовых воздействий, определяя и направление развития, его тип, и степень, и уровень развития. В связи с этим, Н.К.Попова выделяет два типа процессов развития: «ожидание опыта» и «зависящие от опыта». Первая категория процессов ориентирована на узкий видоспецифический опыт, предопределенный всей предшествующей эволюцией, рано проявляющийся в онтогенезе и практически не имеющий межиндивидуальной вариативности. Вторая категория процессов предполагает интенсивное овладение индивидуальным опытом в самом широком спектре его изменений и определяет специфику данного приобретения личности ходе развития. Таким образом, предрасположенность к вариативности / инвариативности можно рассматривать как элемент личностного онтогенеза, способность к созданию вариативно организованных конструкций и как родовой признак гибкости мышления.

Следующим критерием при разработке авторского опросника выступил *критерий предрасположенности к абстрактности / конкретности* при построении образа будущего. На очевидную значимость данной дихотомии в индивидуальной специфике предвосхищения будущего указывали ещё философы античности Платон и Аристотель. Критерий предрасположенности к абстрактности / конкретности логически вытекает из концептуальных представлений о прогностической деятельности, выдвигаемыми Б.Ф.Ломовым и Е.Н.Сурковым¹. Прогностическая деятельность, как и любая другая деятельность, обусловлена конкретным ее содержанием, а значит, и соответствующими знаниями, необходимыми для построения прогноза. Прогнозирование выстраивается как предвосхищение

предшествующего события с учетом особенностей осмысления прошлого опыта. Следовательно, имеющийся индивидуальный опыт и личностные смыслы могут активизировать мышление субъекта и тем самым повлиять на процесс антиципации.

Социолог П.Бурдые (2001) такой процесс рассматривает с точки зрения габитуса – системы устойчивых и переносимых диспозиций. Габитус обеспечивает активное присутствие прошлого опыта в форме схем восприятия, мышления и действия. Поэтому, прошлое, настоящее, будущее актуализируется в действиях личности, которые структурированы в соответствии с её принципами, преемственности и упорядоченности. Интериоризация внешнего плана позволяет нивелировать прошлое состояние и дает возможность экстериоризировать действия, ориентируясь на логику. Таким образом, действия личности будут систематически детализированы, а не механически формализованы, что оказывает влияние на процесс моделирования будущего.

Специалисты в области лингво-психологии Г.В.Лаврентьев, Н.Б.Лаврентьева, Н.А.Неудахина (2002) рассматривают абстрактность / конкретность как контекст переработки информации. Благодаря контексту личность может предположить, что ее ожидает и каким образом можно осмыслить продукт восприятия. Поскольку сознание человека содержит объемный контекст настоящего, то ему легко просчитывать или предугадывать варианты собственного будущего. Таким образом, процессы, возникающие в организме еще до появления событий, влияют на результаты деятельности личности. При отсутствии образцов поведения, зафиксированных в определенных контекстах, например, поведения человека в условиях кризиса, славы и др., организм реагирует импульсивно. Проанализировав концептуальное понимание прогностической деятельности, мыслительных контекстов, мы должны отметить важность рассмотренного критерия в аспекте развития склонности взрослеющей личности к детализированному, предметному представлению будущего.

Еще одним критерием, включенным нами в когнитивный блок разрабатываемого опросника СПб является критерий индивидуальных особенностей соотношения настоящего, прошлого и будущего. Специфика этого критерия рассматривается с позиций междисциплинарного подхода. Философское направление в исследовании данного аспекта процесса антиципации представлено работами Аврелия Августина, Т.Гоббса, М.Хайдеггера, М.Мерло-Понти. В фокусе данных исследований нахо-

¹ Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. – М.: Наука, 1980.

дится не только индивидуальная специфика построения временной перспективы, но и её качественное состояние и закономерности функционирования. Так, Т.Гоббс (1964) указывает, что только настоящее должно быть в природе, прошедшее должно находиться в памяти, а будущее безлично и не имеет никакого бытия. Сходная точка зрения присутствует в работах Августина, который считал, что прошлое и будущее существует только в настоящем, но в непостижимом образе для человека.

В философских трактовках взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего, часто рассматривается как сопричастность, соприкосновение категорий времени и души. Известный философ прошлого века М.Хайдеггер (1963) при анализе времени указывал на «напор» и переход его в направлении будущего, имеющий развёрнутый ряд моментов настоящего. Таким образом, функциональные качества времени образуют единое целое, действуя синхронно, осуществляя переход от одного настоящего к другому настоящему. Продолжая традицию философского рассмотрения времени, М.Мерло-Понти (1999) отмечал, что время – это не какой-то реальный процесс, действительная последовательность. Это взаимосвязь потребностей и вещей. Поэтому прошлое и будущее всегда присутствуют в мире.

Философско-теоретические аспекты осмысления временной перспективы нашли отражение в разработках проблемы предвосхищения будущего предпринятых такими известными психологами как К.Г.Юнг, А.В.Брушлинский, Б.Ф.Ломов, Е.Н.Сурков, и др. К.Юнг (1994) полагал, что человек направляет свое сознание в будущее, для того, чтобы видеть развитие событий ещё до их осуществления. Но направленность бессознательного в прошлое необходимо, так как вытесненные, забытые архетипические элементы находятся только в прошлом. В связи с этим, взаимодействие в психике человека прошлого и будущего – есть взаимодействие его бессознательного и сознания, непосредственно определяющее жизнедеятельность конкретной личности. Кроме того, взаимосвязь прошлого и будущего осуществляется с помощью мнемических процессов. Как показывают исследования Б.Ф.Ломова, ведущую роль в мнемическом процессе переработки информации для запоминания принадлежит предсказаниям и планам, которые человек строит в процессе поведения. Информация, которая усваивается человеком, может видоизменяться и в таком виде включаться в новый процесс

антиципации. Избирательность информации в процессе экстерioresзации зависит от содержания антиципирующих схем личности. А.В.Брушлинский (2003), рассматривая анализ проблемы мышления в трудах Б.Ф.Ломова и Е.Н.Суркова, определял, что антиципация базируется на «забегающей» вперёд функции работы мозга и представляет собой проявление познавательной активности субъекта. Таким образом, анализ концепций социальных философов и психологов, позволил нам выделить и обосновать три рассмотренных выше критерия, входящие в когнитивный блок разрабатываемого авторского опросника СПБ.

Эмоциональный компонент предвосхищения будущего. В рамках разрабатываемого нами опросника эмоциональная составляющая процессов антиципации представлена двумя критериями, методологические истоки которых обнаруживаются в работах как западных, так и отечественных учёных. Первым из выделенных нами является *критерий предрасположенности к определенным эмоциональным реакциям тревоги / спокойствия* вызванным подсознательными психическими процессами, связанными с представлениями о будущем. В западной психологии проблема тревоги впервые систематически рассмотрена в работах представителей психодинамического направления (З.Фрейд, К.Хорни, Г.Салливан). Согласно идеям основателя психодинамического направления З.Фрейда (2007) эмоциональные переживания человека обуславливают тесную взаимосвязь его прошлого, настоящего и будущего. Человек, в процессе постепенного освоения адаптивных навыков испытывает и, так или иначе, преодолевает глубинные внутренние конфликты, выраженные через широкий спектр эмоциональных состояний: радость, гнев, восхищение, чувство вины, обида, тревога и т.п. Все эти эмоциональные состояния находят отражение не только в его восприятии настоящего, но и будущего. Иначе говоря, в эмоциональном поле человека раскрывается его сознательное и/или бессознательное отношение не только к событиям актуальной действительности, но и будущей жизни.

Представители неотрейдизма К.Хорни, Э.Фромм и Г.Салливан при анализе причин тревожности подчеркивали важность социокультурных влияний на эмоциональные переживания личности. Выраженная базальная тревога в период детства в последующем приводит к формированию невротических реакций у взрослого. Чтобы справиться с базальной тревогой, личность прибегает к защитным

стратегиям, которые получили название невротических потребностей, или невротических тенденций. Таким образом, по мнению К.Хорни (2006), тревожность как эмоциональная составляющая личности, детерминируя характер ее взаимодействия с реальностью, может обуславливать и характер представлений о будущем.

По мнению автора теории личностных конструктов Дж.А.Келли (2000), тревога возникает тогда, когда человек начинает осознавать, что события с которыми человек сталкивается, невозможно объяснить имеющимися у него конструктами, а, следовательно, невозможно предвидеть и ход дальнейших событий. Ощущение тревоги может усилиться и в случае прогнозирования невозможности реализации экспектаций. Более того, как отмечает основатель гештальт-терапии Ф.Перлз (2008) даже предвосхищение положительного переживания может вызвать тревогу.

Эмоциональная нестабильность и ее взаимосвязь с мироощущением личности представлена и в трудах отечественных ученых (С.Л.Рубинштейн, Б.И.Додонов, Е.А.Сергиенко). Анализируя роль эмоций в жизнедеятельности человека, С.Л.Рубинштейн подчеркивал, что эмоции формируются в ходе человеческой деятельности, направленной на удовлетворение его потребностей (1988).

Известный отечественный ученый П.В.Симонов (1981) отмечал, что такие эмоциональные переживания как тревога, депрессия, страх наиболее слабо выражены при двух крайних состояниях: при абсолютном неведении (то есть при минимальном прогнозе) и при всеведении (то есть при полноте прагматической информированности субъекта). Следовательно, эмоциональная окраска процесса прогнозирования (тревога или спокойствие по поводу будущего) во многом обусловлена как желательностью спроектированного образа будущего, значимостью предстоящего события, так и информированностью относительно будущего.

Современные исследователи В.С.Хомик и А.А.Кроник², проанализировав отношение к настоящему и будущему у детей с отклоняющимся поведением, пришли к выводу, что переживания настоящего резко отличается у обычных школьников и воспитанников трудовой колонии (возраст 15 – 17 лет). Авторы отмечают, что несформированность критери-

ев ценности и актуальности времени у юношей-девиантов оказывается причиной переживания настоящего как скучного, пустого, непривлекательного, затрудняя при этом и восприятие будущего. У благополучных юношей протяженность перспективных временных ориентаций существенно длиннее, чем у неблагополучных. Обобщая рассмотренные авторские позиции, можно заключить, что эмоциональные переживания состояний тревоги/спокойствия и характер предвосхищения будущего во многом взаимообусловлены.

Вторым из выделенных нами критериев эмоциональной составляющей предвосхищения будущего является дихотомия *оптимизма-пессимизма*. Через данную дихотомию отражается специфика взгляда человека на жизнь в целом и отдельные события в частности. Проблема восприятия окружающей действительности с позиции оценивания ее как обнадеживающей или мрачной рассматривалась еще в трудах таких философов античности как Аристотель, Платон, Пифагор. Античные авторы не только отмечали субъективность человеческих оценок прошлого, настоящего и будущего, но и предлагали конкретные рецепты более адекватного восприятия временных перспектив. В дальнейшем особое внимание вопросам мироощущения уделяли Б.Спиноза, Г.Лейбниц, Т.Гоббс, И.Кант, и др. В самом общем виде для мыслителей философских школ быть настроенным оптимистично означало найти смысл жизни и знать, что «благое» обязательно восторжествует над всеми негативными проявлениями жизни.

В собственно психологическом аспекте проблема «оптимистического» и «пессимистического» была заявлена благодаря работам Д.Големана, М.Э.Зелигмана. По мнению Д.Големана (1994) оптимизм формируется тогда, когда человек ясно видит, что что-то в мире зависит от него, от его усилий. Иначе говоря, под оптимизмом понимается относительно устойчивое качество переносить любые неприятности. Согласно М.Зелигману (1997) суть оптимизма состоит в особом стиле объяснения причин неудач или успехов. По его мнению, уровень оптимизма / пессимизма соответственно выражается в субъективной оценке своих достижений.

Среди отечественных исследователей активно разрабатывающих проблему оптимизма в процессе восприятия действительности, можно выделить таких как Е.И.Головаха, Л.В.Сохань, К.Муздыбаев и др. Как отмечают Е.И.Головаха и Л.В.Сохань (1995) отношение

² Хомик В.С. Отношение к времени: психологические проблемы ранней алкоголизации и отклоняющегося поведения // Вопросы психологии. – 1988. – 1. – С.98 – 106.

к образу будущего, как правило, определяется через оптимистическую либо пессимистическую установку личности. Смотреть в будущее с оптимизмом считается нормой, благоприятной предпосылкой формирования образа будущего, но вместе с тем, чрезмерный оптимизм может повредить реальному планированию жизненного пути. Оптимисты верят в достижимость поставленных целей, а препятствия воспринимают как временную отсрочку получения желаемого, пессимисты же акцентируют внимание на негативной стороне жизни, считают недостижимыми поставленные задачи и не верят в собственную эффективность. Соответственно и будущее будет представляться ими по-разному: для первых будут характерны ориентация на лучшее и позитивные экспектации, а для вторых – ожидание худшего и изначально негативная оценка предстоящих событий.

К.А.Абульханова (2001) отмечает, что пессимистическая перспектива не только ограничивает будущее человека, но и ценностный темпоральный ресурс самой личности. Оптимизм и оптимистическая интерпретация жизни, напротив, придают личности движущие силы, вопреки возможному неблагоприятно складывающемуся настоящему, трудностям, потерям. Перспектива выступает в функции повышения жизненного потенциала личности. На наш взгляд, негативное восприятие мира, неверие пессимиста в положительный исход начатого дезорганизуют его деятельность и со временем он превращается в безвольного, зависимого от обстоятельств и других людей человека. Источник энергии, находящийся в самом человеке в виде стремления реализовать актуальные потребности не находит подпитки в положительных эмоциях, так необходимых человеку для ощущения благополучия. Вслед за А.Швейцером (1973), мы считаем, что под пессимизмом можно понимать пониженную волю к жизни, а под оптимизмом – наличие жизненной силы и воли, направленной на построение собственной жизни.

Согласно концепции К.Муздыбаева (2003), имеются существенные отличия в стратегиях построения временной перспективы пессимистов и оптимистов. У пессимистов временная перспектива крайне укорочена, что свидетельствует об их низком интересе к жизни, об отсутствии долгосрочных целей, созидательных планов. В их сознании преобладает ориентация на прошлое. Оптимисты же большей частью живут настоящим или устремлены в будущее: их временная перспектива относительно длительна, настоящее

время для них приятно и безопасно, насыщено событиями и исполнено надеждой, легкое и интересное, успешное и значительное. Более того, по мнению К.Муздыбаева, пессимистические прогнозы, также как и оптимистические, сбываются в жизни. Таким образом, личность, выстраивая образ желаемого будущего, эмоционально проживает каждый этап изменений. Маршрут движения от актуального настоящего к желаемому будущему сопряжен с реальными победами и потерями и погружен в эмоциональное поле индивидуальных восприятий личности. Контекст данных восприятий определяет широту или узость индивидуальных резервов, с которыми личность вступает в свое ближайшее будущее.

Сценарно-поведенческий компонент предвосхищения будущего. Рассмотрение данного компонента не случайно завершает анализ структурных составляющих предвидения будущего, так как конструкт жизненного пути, начиная свое формирование в ментальном поле личности, окрашиваясь эффектами эмоциональных переживаний, в конечном итоге выстраивается в виде конкретных поведенческих стратегий и жизненных сценариев личности. Одним из первых разработчиков концепции жизненных сценариев личности выступил автор теории трансактного анализа Э.Берн. По его мнению, жизненный сценарий может реализовываться личностью бессознательно или осознаваться случайно (1992). Человек может воспроизводить формы поведения, типичные для данной социальной группы, и передавать сценарии из поколения в поколение. Исследования Э.Берна показали значимую роль сценарно-поведенческого компонента в структуре антиципации личности.

Согласно позиции К.А.Абульхановой, психологический сценарий личности, подразумевает не только совокупность различных сфер жизни, ролевых позиций, но также включает оптимистическое или пессимистическое восприятие будущего в зависимости от субъективного осознания собственных социальных перспектив, мысленную проработку способов разрешения предстоящих жизненных противоречий, преодоления личностных кризисов³. В целях отражения данного компонента при разработке опросника, нами были выделены три соответствующих критерия, первым, из которых является *критерий предрасположенности к активной или пассивной установке в конструировании будущего*. Рассматривая данный критерий, можно отметить позицию

³ Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни, – СПб.: Алетейя, 2001.

Г.Оллпорта, указывающего на активность действия как важного референта в системе представлений субъекта о будущем. Автор отмечал, что характер ожиданий по отношению к будущему во многом определяет меру активности и стратегию действий субъекта (1960). Один из наиболее продуктивных исследователей проблемы антиципации Ж.Нюттен⁴, указывает на потребностную детерминацию будущего личности. Предмет потребности, отнесенный в будущее, мотивирует поведение личности в настоящем, определяя динамику её активности / пассивности в отношении значимых событий будущего.

С точки зрения Т.Гьесме (1983), ориентация на будущее – это не зависящая от ситуации категория, влияющая на то, как человек взаимодействует с будущим. Автор включает в данную категорию четыре компонента: 1) вовлеченность как степень фокусировки личности на будущих событиях; 2) предвидение как отражение того, насколько человек подготовлен к этим событиям; 3) занятость – количество времени, которое проводит человек, думая о своем будущем; 4) скорость восприятия будущих исходов.

Как отмечает К.Обуховский, представления о будущем претерпевают в процессе социальных интеракций масштабные или локальные изменения и являются индикатором развития личности. Он называет будущее формирующейся действительностью⁵. Развивая данную мысль, можно предположить, что информационное поле будущего присваивается сознанием и определяет меру активности / пассивности личности в отношении непредсказуемых метаморфоз жизненного пути.

В работах Л.К.Франка, представителя школы К.Левина, проблема построения модели будущего рассматривается в спектре поведенческой активности / пассивности, как возможности корректировать направленность интеракций (1939). Активность личности, с точки зрения данного автора определяет временную перспективу. Таким образом, большая часть зарубежных исследователей, определенно указывает на значимость активной установки личности при построении сценариев будущей жизни.

Одним из первых отечественных авторов обратившихся к проблеме значимости активного / пассивного отношения к среде является

Н.А.Бернштейн. В своих исследованиях он доказал, что всякое движение направляется «образом потребного будущего», формирующего у организма активное отношение к среде. Модель потребного будущего не имеет жесткой фиксированной структуры, т.к. организм постоянно стоит перед необходимостью вероятностного прогнозирования в выборе более эффективных путей достижения цели, исходя из текущей информации о ситуации и прежнего опыта (Н.А.Бернштейн, 1997).

Один из основоположников методологии отечественной психологии А.Н.Леонтьев, рассматривая направленность деятельности, как составляющую активности индивида, отмечал, что она обуславливается смыслом избираемой перспективы жизненного пути, тем самым, акцентируя внимание на выраженности активности / пассивности установки при построении будущего (Леонтьев, 1975).

С позиции К.А.Абульхановой, активность выполняет разнообразные роли, обслуживает все сферы жизни, способствует расширению жизненных планов и проявляется в самореализации, в своевременных действиях, в самовыражении как проявлении своего «я» в жизни. Активность – необходимое качество личности, способной моделировать собственное будущее с учетом реальных обстоятельств, выстраивая конструкт своевременных действий. Поэтому активность, а именно такие формы ее проявления, как инициатива и ответственность, имеют прямое отношение к формированию правильной жизненной перспективы (Абульханова, 2008).

В исследовании В.И.Ковалева, «временная трансспектива», т.е. континуальность трёх временных отрезков: прошлого, настоящего и будущего, основана на мыслительных процессах моделирования конкретного достижимого будущего в виде целеполагания, программирования и планирования. При этом, активность личности в построении будущего является доминирующе составляющей при реализации всех трёх указанных выше процессов⁶. Обобщая вышесказанное можно отметить совпадение взглядов отечественных и зарубежных авторов в отношении категорий активности / пассивности в контексте способности личности к построению желаемого будущего.

Следующим референтом процессов антиципации, в рамках сценарно-поведенческого блока явился критерий подсознательной установки на реализацию определенного жиз-

⁴ Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. – М.: Смысл, 2004.

⁵ Обуховский К. Психологическая теория строения и развития личности // Психология формирования и развития личности. – М.: 1981. – С.66 – 82.

⁶ Ковалев В.И. Психологические аспекты временной организации жизни человека. – М.: 1990.

ненного сценария в рамках дихотомии личностная зрелость / инфантильность. Зрелая личность адекватно выстраивает систему представлений о будущем. Реалистичный образ будущего в спектре экспектации подкреплен опытом предшествующих событий, анализом сценарных схем, обладающих ценным смыслом. Однако, аспекты содержания социо-культурных пластов, присваиваемых личностью в ходе активных интеракций различны. Они связаны, в первую очередь с мотивационно-потребностной сферой, особенностями Я-концепции человека, как носителя сценарного плана жизненного пути.

Э.Берн, определяя жизненный сценарий как «неосознаваемый план жизни», рассматривает его в ракурсе зрелости / инфантильности личностных установок. План жизни, который, согласно Э.Берну, составляется в детстве, подкрепляется родителями, оправдывается последующими событиями и завершается так, как было predetermined с самого начала (Берн, 1992). Высокая доля доминанты бессознательной установки при построении модели будущего в рамках психоаналитического направления прослеживается, на наш взгляд, достаточно четко, что не противоречит возможности присутствия как социально зрелых, так и инфантильных жизненных сценариев в планах личности.

В исследованиях отечественного учёного П.К.Анохина (Анохин, 1979) «акцептор результата действия» является одним из видов психического образа, выполняющего антиципационную функцию в сознании личности. Следовательно, данная функция определяет степень свободы изменений или контур ограничений в способности личности к предвидения будущего и связана с механизмами защиты от возможных травматических событий, с целостностью смысложизненных устремлений человека.

Анализируя исследования затрагивающие проблему личностной зрелости / инфантильности, можно, отметить, что стабильность установки на формирование личностно зрелого/инфантильного сценария зависит от меры согласованности жизненных планов, целей и ценностей и дифференциации временных перспектив. Четкость или диффузность представлений личности о будущем указывают, на наш взгляд, на наличие вариативности сценариев. Однако, именно качество экспектаций, их соотношение с реальностью обеспечивают личности успешность результатов антиципации.

При построении нашего опросника, мы выделили также критерий *наличия / отсут-*

ствия действий в настоящем, направленных на формирование желаемых событий будущего. Отечественные авторы Е.И.Головаха и А.А.Кроник⁷ в своих исследованиях раскрывают факты наличия прямой связи актуальных действий с потенциальным результатом в будущем, что способствует развитию целостного отношения личности ко времени собственной жизни. Подобную точку зрения можно обнаружить и во многих западных источниках. Так, например, известный исследователь Т.Коттл в своих работах подчеркивает, что личность имеет функциональную способность действовать в настоящем, опираясь на антиципирующие схемы, простирая модель сравнительно отдаленных событий будущего⁸.

Одним из первых психологов, заявивших о взаимосвязи и взаимообусловленности прошлого, настоящего и будущего в сознании и поведении человека, является уже упомянутый выше Л.К.Франк. В его концепции, особый интерес представляет деятельностный аспект временной перспективы личности, масштаб её актуальной включенности в сферу преобразований собственного будущего. Человек, оценивая опыт прошлого, предчувствует возможные события будущего.

С позиции Ж.Нюттена, для обретения успешной перспективы необходимо замотивировать поведение личности в настоящем. Активизируя или блокируя собственные действия в актуальной реальности, личность выстраивает собственный индивидуальный сценарий жизни (J.O.Nutten, 1984).

Исследуя антиципирующие схемы личности, Я.-Э.Нурми отмечает наличие в них мотивации, деятельностного планирования, оценку будущих событий в актуальном культурном и социальном контексте⁹. В соответствии с его позицией, можно утверждать, будущее – это широкий диапазон возможностей, задачи и цели которого не формулируются в жесткой форме, напротив, они многовариантны, что дарует личности достаточную степень свободы в настоящем для деятельностных маневров в конструировании жизненного пути.

⁷ Кроник А.А., Головаха Е.И. Психологическое время личности. – М.: Изд-во «Смысл», 2008.

⁸ Cottle T.J. Perceiving time A Psychological Investigation with Men and Women. – N.Y.: 1976.

⁹ Nurmi J.-E. Gender differences in adult life goals, concerns, and their temporal extension: a life course approach to future-oriented motivation // International Journal of Behavioral Development. – 1992. – V. 15 (4). – P.487 – 508.

Отечественная исследовательница Л.А.Регуш указывает, что для человека будущее всегда потенциально изменяемо в настоящем, так как его содержание не имеет законченного характера¹⁰. В связи с этим особое значение приобретает готовность личности к деятельностным актам построения ожидаемой реальности в контексте настоящего времени. Чем продуктивнее будут использованы имеющиеся в настоящем возможности, тем более широкие перспективы открываются для личности в будущем.

Обобщая исследования раскрывающие значимость сценарно-поведенческого компонента, можно заключить, что континуальность изменений жизненных перспектив создается посредством внутренней работы соз-

нания, поведенческих стратегий, основанных на обширности / узости интеракций, эмоциональной включенности / дистантности в информационно-действенное поле актуальных ожиданий личности. Таким образом, проведенный теоретико-методологический анализ современных исследований в области построения временной перспективы позволил нам определить структуру и диагностические критерии разрабатываемого опросника СПБ, направленного на выявление индивидуальных особенностей предвосхищения будущего. Мы будем рады отзывам коллег, занимающихся исследованиями в данной области.

¹⁰ *Регуш Л.А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего. – СПб.: Речь, 2003.

THE EXPERIENCE OF THE METHODOLOGICAL-THEORETIC SUBSTANTIATION OF PROCEDURE PFA

© 2009 G.N.Maljuchenko, O.V.Karina, N.E.Shustova, M.A.Kiselyova^o

Saratov State University n.a. N.G.Tchernyshevsky, Balashov Institute

In the article the methodological-theoretic substantiation of the author's inquirer «The peculiarity of future anticipation» (PFA) is introduced. The existent approaches to the conception of the structure and functions of anticipation are analyzed in the context of time outlook of a personality. The speculative preconditions for singling out the three diagnostic blocks of the inquirer is revealed: cognitive, emotional and script-behavioral. Within each block there are singled out and considered the criteria, allowing to conduct the diagnostics of the individual particularities of future anticipation.

Keywords: an image of the future, integrity, cognitive activity of the subject, diagnostics iniciacii.

^o *Maljuchenko Gennady Nikolaevich, PhD psychological sciences, he senior lecturer; Karina Olga Vitalevna, PhD psychological sciences, the senior lecturer; Shustova Natalia Evgenevna, PhD sociological sciences, the senior lecturer; Kiselyova Marina Anatolevna, PhD pedagogical sciences, the senior lecturer.*